

Роман Рубанов

## Богатыри

### Дед

— А у этой зимы...  
— А была зима?  
У неё, как мой дед говорил всегда:  
«Берегов нема.  
Вот такая, внучек, беда».

— Я про зиму. Что не было той зимы...  
— Так и я о том же. Вот, помню, дед  
Говорил: «Вот возьмёт займы  
У весны. Проживёт сто лет».

— Что? Сто лет зимы?  
— Ну не сто... не сто...  
Это дед так образно говорил.  
Доставал кисет и за стол:  
Чаи гонял да курил...

И чего не привидится  
В том дыму...  
Да, любил самосадам он глотку драть...  
Каково ему  
Было той зимой помирать?

Берегов нема.  
И течёт река.  
А в реке линьки, караси, плотва...  
Деда в лодке. Вёсла в руках.  
А над дедом слова... слова...

---

*Рубанов Роман Владимирович* — поэт, актер, режиссер. Родился в 1982 году в дер. Стрекалово под Курском. Окончил Курский университет и театральную студию при Курском театре юного зрителя «Ровесник». Автор книг стихов «Соучастник» (М., 2014), «Стрекалово» (М., 2016) и «Соната №3» (М., 2020). Участник Всероссийских Форумов молодых писателей в Липках. Лауреат литературных премий им. Риммы Казаковой «Начало», «Звёздный билет» и др. Живет в Курске.

## Богатыри

### Страшная сказка

Головою Змия пугал богатырь село:  
На крыльцо её втащит, бывало, — соседи в крик,  
Мужики бегут, хоронятся, ребяташки плачут навзрыд,  
Бабы крестятся, падают. — Вот прилетел! Зело  
Надоел супостат, никакого житья от них!  
Проклятуший иезуит!

Доставай теперь из кубышки медь, ведь  
Всё ему аспиду! Что нам с этой меди теперь?  
Раньше вон из неё хоть пуговиц наклепай, хоть колокола отлей.  
То ли дело, если б пришёл медведь  
Или какой другой зверь,  
Скажем — лев.

Богатырь смеётся, — Бывало, сражал и льва...  
И медведя, бывало, — за космы — и поражал!  
А теперь вот ходить в доспехах отвык, тяжелы стали мне, увы...  
А что вы темны, то мне искренне жаль вас,  
В самом деле, от чистого сердца жаль,  
Что боитесь змиевой головы.

А народ, — боимся мы этого мертвяка,  
Хоть и знаем, что не живой — всё одно дрожим.  
А особенно как увидим вот так, пред собой вблизи.  
Кто его знает, башка его вон сохранилась как,  
Будто бы до сих пор жив —  
Зыркает, паразит.

Уходи, не пугай, в страхе нас не держи,  
Уходи не на край села, из села, из страны,  
Прах от твоих ног выметем аккуратно и соберём в совок.  
Богатырь, вздохнул, дескать, мол, — Всюду жизнь, —  
Так его и запомнили — со спины...  
А ещё голову змия в руке его.

### Алёша Попович в плену

Старший татарин, на башке корка как скорлупа,  
Спрашивает: — Алёша Попович? Стало быть, сын попа?  
Стало быть, знаешь Писание хорошо?  
А как получилось, что ты к нам в плен попал?  
Или знал, куда шёл?

Мы ж басурмане. Мы же не поглядим,  
Что ты с крестом и ладанкой на груди.  
Или ты думаешь, что ты непобедим?  
А мы напряжёмся и победим.

— Знаете что, ребята, кончай базар!  
Или давайте драться, или — расход!  
Что я, по-вашему, что ль не видал татар?!  
Что за народ!

Я вас и безоружный могу ложить...  
Оговорился... прошу прощения, класть.  
Кто у вас главный? Ну-кася, покажись!  
Где ваша власть?

— Власть наша — степь. Мы ж кочевники. Говори.  
Степь тебя слушает — вона как напряглась.  
И за что вы нас так не любите, богатыри?  
Вы только и знаете, что класть.

Сколько нас в этой степи лежит — не сосчитать.  
Всё из-за вас. Что ж вы бродите по-одному?  
А то бы явились втроём, перебили бы сразу всю рать,  
Ой, извини, орду.

— Врёте! Степь наша! С чего она ваша — степь?  
Всё здесь наше: и небо, и облака...  
И песни наши, которых вовек не перепеть,  
Тем более вам, кочевникам.

Значит так, вещи собрали — и по домам!  
Глупость сказал, понимаю, откуда дом у кочевника?  
В общем, у вас два выхода: сума или тюрьма...  
Или смерть, а там — небо и облака.

— Окстись, Алёша, это ты ведь у нас в плену!  
С чего ты решил условия выдвигать?  
...И после этих слов татары улетали в небо по-одному.  
Потому что Алёше было проще сделать, чем отвечать...

## *Илья*

— Спишь, Илья? — Не сплю, гляжу:  
За окном снег творогом,  
А в снегу ползут, как жуть,  
Печенеги-вороги.

Встал бы — ноги не идут —  
Мягкие, как ватные...  
Так Россею и сметут  
Вороги проклятые.

Погляжу на календарь —  
Тридцать лет уж минуло.  
На календаре январь,  
Осень кожу скинула...

— Ты, Илья, вставай, вставай,  
Расходись, ноженьки.  
Ты, Илья, давай-давай,  
Одолей безбожников.

Крепче ладанку сожми  
Пятернёй мозолистой,  
С печки, ну-кася, шагни,  
Да и солью крови сталь

Просоли, махни мечом...  
Из земли расти...  
Вон — закатом кровь течёт —  
Захлебнёмся вскорости.

— Руку дай! — Держи, Илья!  
Обопрись, и с Боженькой!  
Ты, теперича не я:  
Старый да безноженькай.

Ты — былинный исполин  
Нашей Богородицы.  
Ты ж на Русь такой один!  
Сто таких не родятся!

...Двери скрипнули в избе,  
Паром зимним пыхнуло,  
И по всей земле, везде  
Кровь калиной вспыхнула.

Скрылся в поле за сосной  
Кожушок заплатанный.  
За широкою спиной  
Вся Россея спрятана.